

Суверенитет как симулякр

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Суверенитет в современном мире представляется, в определенном смысле, как своеобразный симулякр. Время суверенов, по большому счету, уже прошло. Симулякром категория суверенитета является как во внутригосударственном, так и во внешнем преломлении.

Еще с XIX в. заговорили — и не безосновательно — о том, что реально управляет не тот, кто номинирован в качестве персонификатора официальной власти, а тот, у кого наличествуют деньги. При переходе к республиканской форме правления властные потенциалы банкиров, безусловно, в этом плане возрастают. Кто суверен, применительно к контексту XIX в.: Бурбоны, которые, казалось бы, восседают на престоле, или Ротшильды — некоронованные короли Европы? Марионеточность явилась определяющей чертой новых политических реалий.

Парадокс оперирования понятием «суверенитет» обнаруживается и во внешнеполитическом преломлении. Заключается он в том, что чем меньше реальной суверенности, тем больше говорят о суверенитете. Сейчас, в эпоху глобализации, можно говорить лишь о степени суверенности. Что же до ограниченного суверенитета — большой вопрос: является ли он суверенитетом вообще? Чего стоит современная суверенность — могут продемонстрировать бомбардировки Ирака или Югославии. Правители соответствующих стран, возмнившие что обладают правом на проведение собственного суверенного государственного курса, подверглись политическому (а потом и физическому) устранению.

Раскрыть феномен суверенитета представляется возможным через систему дихотомий. Помните, у Лао Цзы: для познания горячего надо познать холодное, для познания твердого — надо познать мягкое. Соответственно, познание категории свободы осуществляется через систему ее отсутствия.

Кто-то из великих сказал, что свободные нации не ставят статуи Свободы. Можно в этой связи вспомнить также парадокс, сформулированный Марком Алдановым, что «весна народов удивительным образом совпала с осенью европейской культуры». Та же парадигмальная основа актуализации формы при деактуализации содержания обнаруживается и в отношении категории суверенитета. О суверенитете стали говорить именно тогда, когда реальная суверенность подверглась исчезновению.

Особенно наглядно это прослеживается по отношению к России. Разговор о суверенной демократии был затеян именно тогда, когда возникло ощущение, что ни по отношению к собственным олигархам, ни по отношению к западным хозяевам реальной суверенностью Российская Федерация не обладает.

Вариативность трактовок категории суверенитета позволяет констатировать не только саму теоретическую разнородность, но и различие национальных контекстов восприятия суверенности.

Согласно господствовавшим в Московской Руси XVI в. представлениям, настоящий суверен должен удовлетворять трем условиям: происходить из древнего монаршего рода; занимать престол по праву наследования, а не какой другой формы легитимации; не зависеть от чьего-либо политического волеизъявления, кроме собственного. Папский посол Поссевино выражал глубокое удивление по поводу отказа московских властей и народа признавать суверенность других христианских монархов. Когда создатель империи моголов Бабур направил в Москву предложение о «братстве», то получил ответ, что великий государь «не ведает его государ-

ства — неведомо: он государь или государству тому урядник»¹. Под урядничеством понималась ограниченность монаршей власти и, соответственно, ее несuverенность.

Претензия относительно того, что не может быть истинным сувереном такой государь, управление которого не самодостаточно, адресовалось и Британской монархии. Несuverенность английской королевы определялась — в понимании Ивана Грозного — тем, что вверенным ей Богом королевством управляют мужики и торговые люди. «И мы, — писал в 1570 г. московский царь королеве Елизавете, — чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые и о наших государских головах и чести и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»². По большому счету, высоким московским требованиям к подлинному суверену обладал, помимо царя, турецкий султан.

Концепт суверенной демократии, несмотря на всю его конъюнктурность, в определенном смысле представляется деформированной реминисценцией теории официальной народности. Русским эквивалентом понятию «суверенитет» выступает самодержавие, русским эквивалентом демократии — народность. Не хватает, таким образом, одного компонента уваровской триады, главного — православия. Отсутствует, в общем, высший мировоззренческий смысл современной российской суверенности. В этом — главная ущербность выдвигаемых концептов суверенитета.

¹ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С. 6.

² Дьяконов М. Власть московских государей. СПб., 1889. С. 146; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 419–420.

Все существующие концепции суверенитета могут быть разделены на два направления. Одни из них выстраиваются от человека, другие — от Бога или какой-то иной трансцендентной идеи. Первый вариант в большей степени энтропиен. Отталкиваясь от него, можно суверенизировать до уровня малых народов, до корпораций, в конечном итоге — до отдельной личности. Это неустойчивая конструкция, содержащая в себе потенциал распада. Но именно она берется в настоящее время за основу обоснования природы политического режима.

